

2. *Агафонов А.Ю.* Основы смысловой теории сознания. СПб, 2003.
3. *Аллахвердов В.М. и др.* Экспериментальная психология познания: когнитивная логика сознательного и бессознательного. СПб, 2006.
4. *Аллахвердов В.М.* Сознание как парадокс. СПб, 2000.
5. *Вундт В.* Введение в психологию. СПб, 2002.
6. *Выготский Л.С.* Собр. соч.: В 6 т. Т 3.М., 1983.
7. *Ганзен В.А.* Системные описания в психологии., Л., 1984.
8. *Зинченко В.П.* Миры сознания и структура сознания.//Вопросы психологии, 1991, №2.
9. *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М., 1983.
10. *Лурия А.Р.* Язык и сознание. М., 1979.
11. *Петровский А.В. Ярошевский М.Г.* Основы теоретической психологии. М, 1998.

Д.Ю. Сысоев

«Память» – редукция к эстафетным структурам

Проблемы, порожденные анализом памяти человека, до сих пор не позволяют исследователям, принадлежащим различным научным дисциплинам, прийти к устраивающему нас ответу на вопрос о том, что это, собственно, такое. С одной стороны, уже давно и прочно зафиксированы основные свойства исследуемого объекта. С другой, существуют и постоянно воспроизводятся различные классификации типов памяти. И то и другое, вроде бы, однозначно свидетельствует о необходимости дальнейших исследований памяти как процессов запоминания, хранения и воспроизведения. Да, конечно, это необходимо. Но являются ли данные, которые мы до сих пор собирали, достаточным условием для продолжения анализа в рамках общепринятых представлений? Полагаю, эти они свидетельствуют как раз об обратном. Попробуем несколько видоизменить основной и традиционный вопрос – «Что такое память?» – на другой, акцентирующий наше внимание не на памяти, а на методах ее исследования. Вопрос звучит так: «Как мы вводим представление о памяти человека?»

Обратимся к фактическому положению дел. Поскольку достаточно редко встречаются возражения против самой постановки основного вопроса, то все, вероятно, начинается тогда, когда студент-психолог слушает свою первую лекцию о памяти. То, что он слышит, с одной стороны, является почти очевидным и соответствует здравому смыслу, с другой, определяет метод исследований на долгие десятилетия. Слышит он примерно следующее (эта цитата фактически универсальна, поэтому она здесь принципиально на месте): «Мы пользуемся памятью, чтобы актуализировать в сознании самые разнообразные временные промежутки. ... К примеру, вы читаете это предложение и вам нужно помнить его начало, пока вы дочитаете его до конца; тогда вы сможете связать идею, заключенную в начале предложения, с той, речь о которой идет в его конце. В этом случае вы пользуетесь своей оперативной памятью». [Глейтман, 296] Все это, безусловно, так. Но в том то и дело, что каждый носитель сознания, вероятно, согласится с этим утверждением. По какой причине?

Обращают на себя внимание два принципиально важных обстоятельства, проявляющихся уже на первых этапах введения представления об объекте изучения. Первое – представление о памяти является целесообразным: она нужна человеку для того, чтобы совершать те или иные определенные действия или поступки. Но не получается ли так, что представление о памяти маскирует именно рациональный, целесообразный характер наших поведенческих актов? Второе – память необходимо избирательна. Данное обстоятельство становится очевидным тогда, когда вы сравниваете, к примеру, два отношения носителя языка к чтению текста. Одно дело принципы внимательного вычитывания содержания, о которых идет речь в цитате Глейтмана, а совсем другое – подсчет количества слов в предложении. В первом случае вы фиксируете соотношение начала и конца предложения, не обращая большого внимания на количество слов в нем. Во втором случае вы, вероятно, начинает играть другую роль – но в рамках той же пьесы, того же сценария чтеца. В нашем примере вы меняете одну из программ управления /речь идет о программах ролеобразования/ на другую. Так поступают, к примеру, лингвисты, когда определяют количество тех или иных лексических категорий в данном тексте. При

этом вы можете себе позволить не столь внимательно относиться к связям начала и конца предложения, к соотношению темы и ремы.

Выделенные факторы являются не просто принципиальными для исследования памяти, они, собственно и позволяют решить головоломку. Первое обстоятельство обычно замалчивается, тогда как второе весьма часто выдается за фундаментальное свойство самой памяти. Речь идет о строго ограниченном объеме оперативной или кратковременной памяти. При этом мы, очевидно, пытаемся противопоставить друг другу две разные стороны одной и той же медали. Вот как описывают второе свойство памяти – ее избирательность – американские психологи явно физиологической ориентации – П. Линдсей и Д. Норман: «Совершенно очевидно, что нет нужды преобразовывать в слова все то, что мы видим. Но в представлении о том, что вводимый в систему материал переводится в какую-то единую форму, заложен здравый смысл. Следует признать необходимость некоторого единообразия вводимого материала. Безусловно, глупо было бы хранить мельчайшие детали каждого отдельного сигнала. Неважно, произнесено ли предложение медленно или поспешно, держим ли мы печатный текст прямо перед собой или под каким то углом. Это несущественные физические вариации: запоминанию подлежит смысл слов, а не их внешний вид. Подобным же образом смысл предложения остается неизменным, произнесено он или прочитано, – зачем же хранить в памяти различия?» [2, 324] Обратите внимание: авторы описывают работу памяти так, как будто бы речь идет о своеобразном «не физическом» фильтре, позволяющим нам в той или иной ситуации решать, что в ней является существенным, а чем можно пренебречь. Этот фильтр и гарантирует фундаментальное свойство памяти – избирательность. Ясно, что это свойство присуще всем типам памяти, а не только оперативной. Вопрос об основаниях классификаций типов памяти требует методологического обсуждения, что будет сделано ниже.

С чем мы здесь сталкиваемся? Да с тем, что избирательность фильтра и целесообразность поведенческого акта – это одно и то же. Вопрос заключается только в том, что именно обеспечивает фильтрацию, т.е. что привносит в акт поведения его целесообразность. Фильтрация или избирательность означают, что мы ведем себя, учитывая особенности ситуации, в которой мы находимся. На некоторые

детали мы обращаем внимание, на некоторые – нет. А это обстоятельство, как мы уже выяснили, определяется вовсе не ситуацией самой по себе, а программами ее оценки. Последние и отвечаю на вопрос о том, что эта за ситуация и что, собственно, в ней можно делать. Носитель психики всегда является и носителем программ оценки ситуации, в противном случае он не является человеком, обладающим сознанием. Причем заметим, что количество вопросов или параметров оценки всегда строго ограничено. Фиксируя именно это требование программ оценки, мы и приходим к представлению об ограниченном объеме памяти оперативной. Не означает ли это, что представление о памяти является результатом описания программ управления, программ оценки ситуации? Да, означает: /представление о памяти человека – это результат описания образцов, заданных программами управления, программами оценки ситуации/. Именно в этом заключается разгадка головоломки под названием «проблема памяти».

Введенный тезис о памяти можно детализировать и сделать более наглядным. Представим себе, что перед нами некоторая заданная ситуация S_1 , в которой нам еще только предстоит совершить акт поведения B_1 , но фильтр F разрешает поступить далеко не любым способом. Фильтр F и есть в данном случае программа оценки ситуации, результатом воспроизведения которой является разрешение или запрет на реализацию того или иного поведенческого сценария. Описывая требования программы оценки ситуации, мы и получаем представление о памяти человека, точнее – о процессах запоминания. Заметим, что в обычных ситуациях работы программ управления не происходит вербализации этого требования программ оценки ситуации, поэтому и представление о памяти человека не возникает. Представление о процессах воспроизведения мы получаем тогда, когда фиксируем и описываем требования программы оценки ситуации, выполняющей как бы обратную функцию. Вполне можно себе представить, что мы намерены совершить вполне определенный акт поведения B_2 , однако фильтр F^* – т.е. соответствующая программа оценки ситуации – пропускает или разрешает совершить его далеко не во всякой ситуации S_2 , а только в некоторых. Вполне, кстати, может оказаться, что таких ситуаций практически не существует. Это об-

стоятельство требует детального анализа, поскольку мы здесь сталкиваемся с одним из проявлений принципа дополнительности Н. Бора в формулировке для гуманитарных наук (ПД Бора – Розова).

Теперь становится очевидным что, говоря о процессах запоминания и воспроизведения, мы рассматриваем одно и то же – работу программ управления результатами. Вернемся к нашему примеру с различными способами прочтения предложения. Какую бы программу мы ни выбрали – внимательное чтение либо подсчет количества слов – в любом случае мы сталкиваемся с обработкой нового для нас результата в рамках хорошо знакомой нам программы управления, с одной стороны, а с другой – с подбором подходящей программы, участниками которых мы являемся, но для воспроизведения уже существующего результата. Речь идет о программно-имитационной симметрии поведенческих актов. Данный тип симметрии /если говорить о рефлексивной симметрии актов деятельности/ основан на том, что результатами срабатывания эстафеты, помимо практических результатов, являются как воспроизведение того или иного образца, так и задание образца для воспроизведения. Вообще говоря, программно-имитационная симметрия является условием существования и воспроизведения любых эстафетных структур: ведь эстафета живет только тогда, когда воспроизводятся ее образцы, а значит и тогда, когда они служат, в свою очередь, образцами для воспроизведения.

В случае с процессами запоминания и воспроизведения мы сталкиваемся с двумя факторами. Первый: необходимое для нормальной работы психики воспроизведение одной и той же программы управления, обычно программы оценки ситуации. Второй: вербализация содержания образцов или требований данной программы, что и приводит к представлению о памяти человека. Заметим, что вербализация не является необходимой в данном случае. Вербализация или описание возможны с двух различных точек зрения. В рамках первой из них мы рассматриваем нашу работу в рамках программы оценки как воспроизведение ранее существовавшего образца, что и является основным результатом поведенческого акта в свете нашей рефлексивной установки. При этом результатом побочным является то обстоятельство, что наша работа в рамках данной программы оценки служит или может служить образцом для воспроизведения. Смена рефлекс-

сивной установки меняет местами основной и побочный результаты поведенческого акта. Можно выделить в качестве основного результата то обстоятельство что, реализуя программу оценки, мы задаем образец для последующего воспроизведения, тогда в качестве побочного результата окажется воспроизведение программы по образцам. Различным образом осознавая основной и побочный результат, мы приходим к противопоставлению процессов запоминания и воспроизведения. Суть дела можно кратко охарактеризовать так: только наша рефлексия (та или иная рефлексивная установка) является причиной возникновения представлений о процессах запоминания и воспроизведения.

Представление о хранении материала в нашей памяти или хранении полученных нами результатов до их последующего воспроизведения предоставляет весьма обширный материал для методологического обсуждения. Принципиально интересно здесь то обстоятельство, что именно процессы хранения являются в глазах теоретиков психологии источником различных классификаций типов памяти человека. Помимо весьма расплывчатых и просто логически некорректных объяснений оснований той или иной классификации, обращает на себя внимание то, что феноменологическая психология не способна увидеть саму память за тем материалом, который она призвана, якобы, хранить. Именно этот аргумент всегда можно припомнить в споре с психологом, отстаивающим феноменологический подход как единственно возможный. Действительно, речь идет о принципиальной логической ошибке феноменологии. Её можно обнаружить уже тогда, когда Э. Гуссерль формулирует так называемое фундаментальное свойство сознания. Утверждается, что сознание всегда направлено на объект. С этим положением достаточно трудно спорить, за тем исключением, что феноменолог здесь остается логическим должником. Утверждая, что свойство сознания – быть направленным на объект, обычно как бы забывают ответить на вопрос о том, чем, собственно, сознание отличается от объекта, на который оно направлено. Без ответа на этот вопрос может показаться, что в утверждении Гуссерля речь идет не о нескольких референтах (о сознании – это раз, об объекте – это два, об отношениях между ними – это три), а об одном. Но

тогда мы имеем дело не с фундаментальным свойством человеческого сознания, а с тривиальной и ставшей классической логической ошибкой в определении. Ситуация с памятью как процессом хранения материала или результатов запоминания изоморфна неприятной ситуации с так называемым «фундаментальным свойством сознания». Действительно, чем именно память как процесс хранения отличается от того, что она, якобы, хранит? В рамках обычного для психологии подхода на этот вопрос невозможно ответить рационально.

Изоморфизм ситуаций здесь совсем не трудно объяснить. Ведь мы сталкиваемся с различными проявлениями одного методологического подхода, с феноменологией. Последний, как доказал М.А. Розов, есть описание содержания образцов актов деятельности. [см. Розов] Именно это печальное для феноменолога обстоятельство и является ключом к решению головоломки о процессах хранения. Здесь необходимо ответить на вопрос о том, о каких именно образцах идет речь?

Ответ на этот вопрос удобно начинать с объяснения того, почему избирательность является свойством любого из возможных типов памяти человека. Обычно это свойство рассматривают как основание для выделения двух типов памяти человека: кратковременной или оперативной, и долговременной. Ну и действительно, трудно не согласится с обычно приводимыми примерами и экспериментальными данными. Все подобного рода наблюдения акцентируют наше внимание на одном обстоятельстве. Речь идет, как известно, о времени хранения данных в том или ином типе памяти. Одно дело – помнить номер телефона вашего нового знакомого в течение нескольких десятков секунд, а совершенно другое – хранить в памяти номер вашего домашнего телефона, что по времени может исчисляться годами и даже десятилетиями. И в том и в другом случае мы обязательно сталкиваемся с избирательностью нашей памяти, которая безусловно проявляется хотя бы в том, что вы запоминаете не ряд несвязанных друг с другом цифр, а номера телефонов, что может существенно повлиять на качество их воспроизведения. Если, к примеру, мне нужно запомнить номер телефона интересной мне женщины, то вряд ли обстоятельства или время хранения номера станут для меня решающими, а вот если речь идет о номере человека, с которым мне неприятно да и не хочется общаться, то я вполне могу позволить себе роскошь тут же

его забыть, объяснив это ситуативным отсутствием пишущих принадлежностей.

Обратите внимание на одну особенность приведенных нами примеров: они явным образом распадаются на два типа. В первых двух случаях речь явно идет о времени хранения номера телефона, при этом, однако, указана хотя бы в общих чертах ситуация, подлежащая оценке. В двух вторых на первый план выдвигается уже оцененная и, тем самым, спроектированная во временной перспективе ситуация, при этом речь идет и о времени хранения, которое как бы отходит на второй план. Так что же является, выражаясь более привычным для психолога языком, решающим фактором «перевода информации из оперативной в долговременную память» [1, 301]?

Надо заметить, что здесь мы сталкиваемся с методологическими трудностями, на которые обречен любой из вариантов феноменологического подхода к изучаемому нами явлению Действительно, о каком демаркационном принципе идет речь в противопоставлении оперативной памяти долговременной? Совершенно очевидно, что не о содержании хранимой информации, поскольку психолога не интересуют и не могут интересовать особенности цифровой кодировки телефонных номеров. На это, кстати, недвусмысленно указывает точка зрения Линдсея и Нормана, согласно которой существенной для запоминания или хранения является то обстоятельство, что запоминаются именно телефонные номера и, если последние репрезентированы, к примеру, набором букв латинского алфавита, мало что изменится. Можно предположить, доверившись интуиции классификаторов памяти, что принципом демаркации является время хранения. Достаточно быстро выяснится, что интуиция или, скорее, здравый смысл, обманывают классификаторов дважды. Первый раз тогда, когда они пытаются забыть об отношении носителя памяти к запоминаемой информации – об этом шла речь в наших примерах второй группы. Здесь ведь решающим фактором эффективности запоминания не являются ни время хранения, ни объем информации (а если у нее двенадцатизначный номер, и зовут ее Венера – то же, кстати, еще шесть символов). Второй – тогда, когда происходит явное смешение времени как параметра физических систем со «временем» в психике человека.

Но самой, пожалуй, обидной ошибкой является смешение материала памяти и самой памяти. Эта ошибка неизбежна при феноменологическом анализе происходящего. Вот почему: хранить можно только то, что в том или ином виде так или иначе представлено в нашем сознании, только то, что когда-то являлось объектом, на которое сознание было направлено, а поскольку мы принципиально не знаем чем они друг от друга отличаются, то – если мы хотим сохранить феноменологических подход, – нужно предположить, что в нашей бедной памяти должно хранить не только объект, но и направленное на него сознание, а это, в свою очередь, означает, что наше сознание направлено на то, что было раньше нашим сознанием, направленным на объект и т.д. и т.п. Не имеет значения, какая именно из логических ошибок лежит в основании этого неприятного вывода. Это может быть логический круг в определении, может быть – принципиально неизгладимая редукция к бесконечности. Это не столь важно. Важно ответить на вопрос о возможности теоретической ориентировки, с точки зрения которой подобного рода казусы получили бы свое объяснение.

Головоломку этого типа можно решить в два хода. Первый: представление о памяти – результат фиксации требований программ управления. Второй: психика человека, т.е. набор программ управления результатами, существующими и воспроизводимыми на уровне социальных эстафет, – надличностное образование. Первый ход нужно связать со спецификой представления о процессах хранения информации. Неизбежность появления второго объясняется историчностью психики. Поясним суть дела.

Удобнее начать с анализа роли второго тезиса. Любое надличностное образование является социальным куматоидом. Существование куматоида – связь актов деятельности, при которой одни выступают образцами при воспроизведении других. Известно [Розов, 4], что наиболее яркой иллюстрацией куматоида является волна, бегущая по поверхности водоема – она захватывает при движении все новые частицы, которые фактически с места не сдвигаются. В этой иллюстрации аналогия с человеческой психикой может быть выявлена так. Человек как биологическое или физиологическое существо – аналог частицы воды. Человек как существо семиотическое и, в частности, обладаю-

щее психикой, – аналог самой волны. Точнее: участие человека в воспроизведении тех или иных эстафетных структур или программ является необходимым и достаточным условием его бытия в качестве семиотического или сознательного существа. Взаимодействие человека как существа биологического и существа семиотического является точкой бифуркации для физической и гуманитарной антропологии, или в частном случае для физической и гуманитарной психологий. Изучая строение центральной нервной системы, опираясь на методы физиологии, мы никак не сможем получить ответы на вопросы психологии как дисциплины гуманитарной. Потому, что исследование химического или физического строения и состава воды ничего не может сообщить о свойствах волн, распространяющихся в этой воде. Верно и обратное. Что могло бы послужить исходным ориентиром при рациональном подходе к взаимодействию физической и гуманитарной психологий (к примеру, основой психофизиологии)? Полагаю, что таковой вполне может оказаться аналогия между воздействием океанских волн, к примеру, на рельеф побережья, с одной стороны, с другой – воздействием программ управления на физиологическую составляющую человека. Аналогия станет более убедительной, если заметить, что время такого взаимодействия гораздо больше, чем время жизни одного человека. Вот это и нуждается в пояснении.

Программы управления, как и любые эстафетные структуры, существуют и воспроизводятся на уровне воспроизведения непосредственных образцов деятельности. Именно в рамках программ управления совершаются рефлексивно-симметричные преобразования, лежащие в основе взаимодействия сознания и деятельности. Обнаружение и фиксация именно такого способа существования программ управления результатами позволяет сделать вывод о принципиальной историчности психики человека. Да, конечно, в рамках гипотезы об эстафетных механизмах как фундаментальном способе бытия психики человека вполне возможно ставить задачу реконструкции истории программ управления, их формирования и взаимообогащения. Короче говоря, именно здесь становится возможным рациональный и научный подход к построению истории психики как дисциплины гуманитарной. Для построения этой дисциплины необходимы совместные уси-

лия представителей значительного количества гуманитарных дисциплин. Далеко не претендуя на полноту списка, укажем на необходимость сотрудничества психологов с историками, антропологами, лингвистами, культурологами и т.д.

Однако надо осознать, что речь вовсе не идет о превосходстве психологии в том комплексе дисциплин, в рамках которых только и возможны попытки реконструкции истории психики. Скорее, наоборот: психолог может на нынешнем этапе развития во-первых, указать на объект, историю которого следует реконструировать (речь идет о программах управления), во-вторых, начать собирать известные уже специалистам других гуманитарных дисциплин знания о историческом развитии психики человека. При этом психолог весьма сильно начинает зависеть от методов исследования всего комплекса гуманитарных наук. Ведь очевидно, что раз речь идет об истории психики, то не следует выдумывать велосипед, а корректнее воспользоваться методами исследований, уже известных историкам, лингвистам, антропологам. Полагаю, что интерес к такого рода междисциплинарным исследованиям уже существует у представителей данных научных дисциплин. К примеру, редко кто из лингвистов устоит от соблазна проследить историю взаимодействия языка /языков/ и психики /точнее, психик/, обогатив тем самым и лингвистику, и психологию. Кто из культурологов откажется реконструировать историю менталитета той или иной эпохи? Сейчас можно только обрисовать контуры такой дисциплины, как история психики. Однако эти контуры заданы ответом на вопрос «что такое психика?» в рамках волновой ее теории, т.е. теоретической реконструкцией объекта ее изучения.

Вернемся к противопоставлению оперативной и долговременной памяти. Очевидно, что это противопоставление лишено смысла тогда, когда мы предполагаем основанием классификации время хранения материала в памяти. Речь надо вести вовсе не о материале и не о физическом времени. А о реализации программ управления результатами, вербализация которых и приводит к представлению о хранении.

Вернемся к нашему примеру с номерами телефонов. Чем именно определяется наше отношение к материалу, который предстоит запомнить? Да тем, какую роль мы избираем, т.е. программами ролеобразования. Именно они и определяют наш выбор сценария в игре,

«фигурами» которой является запоминаемый материал. Одно дело, если мы выбрали роль мимолетного знакомого, и совершенно другое – если роль друга. Именно выбор роли и определяет тот сценарий обращения с материалом, который мы воспроизводим в дальнейшем.

Здесь для наглядности удобно рассуждать так. Чем именно обусловлен тот факт, что мы обычно помним собственное имя? Вероятно тем, что мое имя является элементом или одним из результатов такой длительной игры, как сценарий жизни человека. В конце – как и принято в большинстве игр данного типа в нашей культуре – мое имя должно появиться на моей могильной плите. Этим, вероятно, и определяется удивительный факт весьма «длительного хранения» имени моего в моей же «памяти». Но при чем тут программы ролеобразования? Дело в том, что именно программа ролеобразования, которую можно условно назвать «я сам» (т.е. роль самого себя), и лежит в основе связи тех событий, постепенная реализация которых и складывается в реализацию избранного мной сценария жизни. Эта программа ролеобразования и соединяет данные события в одно целое – такова в данном случае функция управления различными результатами. Не получается ли так, что представление о хранении материала в памяти человека – результат описания требований программ ролеобразования? Попробуем это проверить.

Рассмотрим ситуацию отдельного хода в шахматной игре. Пусть для наглядности речь идет о первом ходе белых пешка e2-e4. До начала шахматной партии мы должны решить, фиксируем ли мы последовательность ходов от начала до конца партии. Если – да, то к концу партии у нас в руках описание последовательности ходов с результатом партии. Если последовательность ходов зафиксирована, то можно предположить, что данную партию можно будет восстановить в любой момент. Если нет, то можно предположить, что функции и статус каждого хода как бы записаны и определяются в стратегии, избранной шахматистами, и существуют ровно столько, сколько длится данная партия. О чем идет речь тогда, когда в рамках шахматной игры стратегия определяет функцию каждого хода? О том, вероятно, что только в рамках той или иной стратегии совершенному ходу можно приписать ту или иную цель. В любом случае у нас есть как бы путе-

водная для данной партии нить – стратегии игроков. Вопрос только в удобстве воспроизведения той или иной ситуации на шахматной доске. Однако определенный выигрыш в удобстве в случае ведения записи игры мы получаем за счет смены нашей рефлексивной установки. Удобство последующего воспроизведения в первом случае гарантировано тем, что запись партии начинает выполнять функции устройства внешней, по отношению к самой партии, памяти. Понятно, что и сама шахматная партия, и ее запись построены по различным образцам непосредственной деятельности. Решающее для удобства переключение рефлексивной установки происходит тогда, когда мы начинаем запись партии рассматривать как основной результат игры.

Здесь происходит нечто очень похожее на ситуацию, с которой мы сталкиваемся при анализе соотношения «памяти человека» и материала, который в ней «хранится». Как было показано, «материалом» являются результаты актов деятельности, воспроизводимые на уровне социальных эстафет. А за представлением о памяти человека стоят программы управления. Но тогда становится очевидным, что соотношение памяти и хранимого в ней материала сводится к рефлексивно-симметричным преобразованиям, которые мы постоянно осуществляем при переходе от деятельности к сознанию и обратно.

Деятельность и сознание, как мы предположили, рефлексивно симметричны. Что это означает? То, что и то и другое являются артефактами, артефактами, порожденными нашей рефлексией. Суть дела в данном случае сводится к тому, что именно рефлексия привносит в действие, осуществляемое человеком, те или иные цели. Чем детерминированы последние? Теми эстафетными структурами, в свете которых мы воспринимаем и строим акты деятельности. И вот в одном случае мы, пользуясь вилами при уборке опавших листьев, полагаем, что основным результатом наших действий является очищенная от листьев земля, при этом в разряд побочных результатов попадает роль дачника, исполняемая нами, а в другом – наоборот, можем основным результатом считать исполнение роли дачника, а в разряд побочных отнести очищенную землю. Роль дачника в данном случае осознается нами как цель совершаемых нами действий под воздействием или в свете одной из программ управления, программы ролеобразования. В рамках этой программы мы можем совершать достаточно большое

количество различных по содержанию актов практической деятельности – можем сжечь собранные нами листья, пить чай на веранде, перекапывать землю для посадки овощей и т.д.

Это обстоятельство и доказывает программный или эстафетных характер роли, которую мы исполняем. Ведь эти действия совершаются нами в рамках одной программы ролеобразования, которая реализуется при этом на материале различных эстафетных структур, позволяя нам управлять различными результатами нашей деятельности. Управление результатами, в частности, может заключаться в объединении различных результатов в единый их комплекс. Такого рода объединения, т.е. комплексы, существуют благодаря рефлексивно симметричным преобразованиям, благодаря симметрии деятельности и сознания. Поэтому необходимо изучать специфику формирования и функционирования комплексов этого вида. Здесь очевидным обстоятельством является тот факт, что можно классифицировать и выделить их типы, основываясь на типах рефлексивной симметрии актов деятельности.

Прежде вернемся к гипотезе о специфике процессов хранения информации в памяти человека. Является очевидным, что материал (читай – результаты актов деятельности) хранится так долго, как долго он является «фигуркой» в той или иной игре. При этом надо заметить, что от нас зависит только одно обстоятельство. А именно – выбор роли в той или иной игре. Действительно, если я выбираю роль театрального зрителя в рамках данной сценической постановки, то я вынужден согласиться и с длительностью спектакля, и с местом и временем его начала, и с подбором актеров... Конечно, игр, в рамках которых тот или иной результат деятельности является «фигуркой», гораздо больше, чем одна. Но это просто означает, что наше отношение к телефонному, к примеру, номеру является результатом нашего собственного рефлексивно-симметричного преобразования, совершенно в рамках того или иного представления о самом себе. А последнее является ничем иным, как одним из результатов реализации той или иной программы ролеобразования.

Можно предположить, что программы ролеобразования являются как бы ключом, открывающим нам доступ к тому или иному способу

обращения с результатами, воспроизводимыми на уровне социальных эстафет. Ситуация выглядит весьма необычно и, может быть, почти парадоксально. Способ обращения с результатами данного акта деятельности подхватывается совсем другими программами, отличными от тех, в которых результат был получен. Он становится важен не столько сам по себе (как ход е2-е4 в начале партии), сколько в свете тех или иных программ управления, программ нашей психики. Коль скоро этот факт осознан, не трудно ответить теперь на вопрос о том, почему результат «храниться» различными способами. Можно предположить, что за представление о «времени хранения материала» ответственной является наша рефлексия, т.е. описание содержания образцов. Она, однако, весьма специфична в данном случае. Ведь речь идет об образцах или эстафетных структурах, в рамках которых воспроизводятся способы обращения с результатами актов деятельности. Таковыми эстафетными структурами, как мы выяснили, являются игровые программы, задающие сценарии игрокам. Способ обращения с результатами акта деятельности и сценарий игры – это одно и то же.

Здесь принципиально важным является и обнаружение изоморфизма двух ситуаций, обнаруженных в середине XX века исследователями, работавшими в различных областях гуманитарного знания. Речь идет о концепции языковых игр Л. Витгенштейна и игр психологических у Э. Берна. У языковой игры Витгенштейна есть свойство, которое, вероятно, и обосновывало его интерес к играм. Известно, что языковая игра изоморфна любой другой, слова и предложения выступают в ней аналогом, к примеру, мяча в футболе. Сравните, как два футболиста перебрасываются мячом с тем, как два человека говорят друг другу «Привет!». Интересно, что, описав эти игры, мы не зафиксировали цели, к которым стремятся игроки. Мы просто указали на некоторые наборы действий, постоянно воспроизводимые в нашей культуре; эти действия передаются от человека к человеку, от поколения к поколению как эстафетная палочка. Перед нами – некоторый сценарий игры, задающий способы обращения с предметом или словом. Но не означает ли это, что сценарии игр, воспроизводимые в рамках разных эстафетных структур, в разных контекстах, приобретают, тем самым, и различное целесообразное содержание? Это содержание и позволяет в одном случае отнести игру в разряд языко-

вых, поскольку мы выделяем в ней в качестве основного результата цель, задаваемую эстафетными структурами языка, побочным вполне может являться выделение ролей говорящего и слушающего. А в другом – напротив, под воздействием программ управления результатами мы можем выделить роли слушающего и говорящего в качестве основного результата, а в разряд побочных отнести данный речевой акт. Рассуждая так, мы, во-первых, и обнаруживаем изоморфизм между тремя типами игр (речь идет о практической деятельности, языке, психике), во-вторых, сталкиваемся с тремя попарно рефлексивно-симметричными актами деятельности – практическим, речевым, поведенческим. Можно предположить, что здесь перед гуманитарными науками открываются глубокие и еще малоисследованные закономерности.

Именно сценарий игры или способ обращения с результатами актов деятельности и определяет характер нашего отношения к результатам. Иными словами, сценарий выбранной нами игры определяет «длительность хранения» полученных нами результатов. Здесь нужно подчеркнуть одно обстоятельство. Само противопоставление «долгих» игр или сценариев «коротким» лишено, по большому счету, смысла и интереса. Интересным такое противопоставление становится только в конкретных ситуациях, только в ситуациях реализации достаточно большой группы эстафетных структур. Ведь время жизни последних гораздо больше, чем то время, о котором говорят психологи, противопоставляя оперативную и долговременную память. Время жизни программ управления, как и самих результатов, воспроизводимых на уровне эстафет, исчисляется порядком тысяч лет. К примеру, значительная часть человечества уже достаточно давно пользуется арабскими символами для обозначения чисел – нужно ли психологу забывать об этом факте тогда, когда речь идет о необходимости оценки объема «оперативной информации»? Полагаю, не нужно. И вот почему. Тогда, когда нам сообщают номер телефона (восемь девять один семь один и т.д.) нам необходимо «перевести» результаты языковой игры в цифровую символику. А это возможно только в рамках воспроизведения одного из громадного числа сценариев, которым нас научили наши родители, – 89171 и т.д. Перевод здесь возможен толь-

ко благодаря рефлексивной симметрии двух актов деятельности. Вероятно, именно это обстоятельство и вынуждает теоретиков психологии бороться с собственными рефлексивно-симметричными отображениями.

Зафиксируем вполне определенные вопросы, связанные с обсуждаемым кругом проблем. Первая группа вопросов. Отношения «памяти» (т.е. программ управления и игровых) к «материалу» (т.е. к результатам эстафет) – им, очевидно, является рефлексивная симметрия, симметрия актов деятельности. Последняя, однако, вполне может быть представлена четырьмя типами. Каким образом существование 4 видов симметрии сказывается на представлениях о соотношении памяти и хранимого ей материала? Вторая группа вопросов связана с зафиксированным нами отсутствием влияния «времени хранения материала», к примеру, на выделение двух типов памяти – оперативная и долговременная. Стоит ли, зафиксировав этот факт, остановиться, или мы здесь сталкиваемся с проявлением другой симметрии, симметрии поведенческих актов? Третья группа вопросов. Здесь речь идет о рефлексивной симметрии речевых актов и актов поведенческих. Не это ли обстоятельство вынудило Л.С. Выготского признать язык в качестве одной из основ сознания человека? Четвертая, в рамках которой вполне можно обсуждать методологические трудности, связанные с взаимодействием «памяти» и «сознания». Ведь очевидна связь между тем, что именно хранится, тем – как, и тем – зачем. Связь эта – рефлексивная симметрия.

Литература

1. *Глейтман Г., Фридлунд А., Райсберг Д.* Основы психологии: Пер. с англ./ Под ред. Большакова В.Ю., Дружинина В.Н. – СПб: Речь, 2001. – 1247 с.
2. *П. Линдсей, Д. Норман.* Переработка информации у человека. (Введение в психологию) / Перевод с английского под редакцией и с предисловием действ. члена АПН СССР А. Р. Лурия/ М.: «Мир», 1974. – 550 с.
3. *Розов М.А.* Явление рефлексивной симметрии при анализе деятельности. // Теория познания. Т. 4., М., Наука, 1995. – 482 с.

«Память» – редукция к эстафетным структурам

4. Берн Э. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры. – 1992.

5. Степин В.С., Горохов Н.К., Розов М.А. Философия науки и техники. – М., 1997.

Н.А.Трофимова

Роль социального контекста в работе познавательных процессов

Научный руководитель О.В. Шапатина

Социальный контекст оказывает существенное влияние на поведение человека. Чтобы прочувствовать это, попробуйте вообразить, что вы нарушаете какие-нибудь незначительные социальные нормы: вскакиваете посреди лекции, громко поете в ресторане, запросто приветствуете почтенного профессора по имени, приходите в церковь в шортах, играете в футбол в парадном костюме, хрустите карамелью на фортепьянном концерте, сбываете себе волосы с половины головы. Пытаясь нарушить социальные ограничения, мы с удивлением начинаем понимать, насколько они сильны.

Интерес к проблеме социального влияния на поведение человека возник в начале XX в. и связан был главным образом с поисками ответа на вопрос: почему наше поведение меняется в присутствии других? Подобный эффект исследователи назвали **эффектом социальной фасилитации (SFI)**.

Во многих современных офисных зданиях отдельные комнаты заменяются одним большим открытым помещением, разделенным невысокими перегородками. Не произойдет ли так, что благодаря осведомленности о присутствии других повысится уровень выполнения хорошо знакомых заданий, но пострадает творческое мышление при решении сложных задач? Подобные проблемы могут возникнуть в школьном классе, в студенческой аудитории, на заводе и т. д.

В настоящее время в психологической факт существования такого феномена как SFI экспериментально подтвержден и известен мно-